

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ДЭНИЕЛ

КОУЛ

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К73

Daniel Cole
RAGDOLL

Серия «Новый мировой триллер»

Перевод с английского *Виктора Липки*

Печатается с разрешения литературных агентств
Conville & Walsh Ltd. и Synopsis Literary Agency

Оформление обложки *Ольги Жуковой*

Фотография автора на обложке — © *Ellis Parrinder*

Коул, Дэниел.

К73 Тряпичная кукла: [роман] / Дэниел Коул ; [пер. с англ. В. Липки]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-111984-3

Детектив Уильям Коукс по прозвищу Волк является на место преступления и обнаруживает чудовищную картину: к потолку подвешено тело, сшитое из фрагментов тел шести разных человек. Пока полиция пытается установить личности погибших, журналисты обнаруживают список из шести человек, которых собирается уничтожить та же зловещая рука. Последним в списке значится сам Волк.

Вместе со своей напарницей, привлекательной молодой женщиной Эмили Бакстер, Волк пытается спасти обреченных на гибель людей и найти преступника. Каждая новая смерть наносит удар по их надежде. Постепенно детективы понимают, что только расквитавшись со своим прошлым, Волк сможет одолеть жестокого серийного убийцу.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111984-3

Copyright © Daniel Cole 2017
© Липка В., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Какое мне дело до того,
что ты дьявол?*

Пролог

Понедельник, 24 мая 2010 года

Саманта Бойд поднырнула под хлипкое полицейское ограждение и подняла глаза на статую Правосудия, возвышавшуюся над печально известным лондонским судом Олд Бейли. Хотя та, по замыслу, должна была символизировать силу и справедливость, сегодня женщина увидела ее в истинном виде — в облике отчаявшейся и растерявшей все иллюзии дамы, готовой в любое мгновение сверзиться с крыши вниз на мостовую. Повязки на глазах, в отличие от сестер по всему миру, у нее, естественно, не было, ведь когда речь заходит о таких проблемах, как расизм и коррупция в правоохранительных органах, «слепое правосудие» превращается лишь в концепцию для наивных простаков.

Из-за толпы журналистов, которые наводнили центр Лондона и обосновались так прочно, что даже превратили его в абсурдные трущобы для представителей среднего класса, все прилегающие улицы и станции метро вновь были закрыты. С усеянного мусором асфальта гордо взирали упаковки из-под продуктов с логотипами «Маркс и Спенсер» и «Прет-а-Манже». Под жужжание электробритв убирались спальные мешки от знаменитых дизайнеров; дрянной дорожный утюг в руках какого-то парня напрочь

отказывался скрывать тот факт, что его владелец спал в рубашке и галстуке, имевшихся у него в одном-единственном экземпляре.

Продираясь сквозь толпу, Саманта нервничала. После шести минут ходьбы от станции «Ченсери Лейн» у нее на лбу выступила испарина, а прядь платиновых волос выбилась в том самом месте, где она ее до этого заколола в тщетной попытке изменить внешность. Всех причастных к судебному процессу пресса установила с самого начала. Сегодня, на сорок пятый день разбирательства, портреты Саманты успели облететь все крупнейшие газеты мира. Ей даже как-то пришлось вызывать полицию, когда один особенно настырный репортер проследил за ней до самого дома в Кливленде, никак не реагируя на ее попытки от него отвязаться. Твердо решив больше не привлекать к себе ненужного внимания, женщина шагала, глядя прямо перед собой и не поднимая головы.

Вдоль Ньюгейт-стрит выстроились две очереди, одна упиралась в ряд биотуалетов, явно не способных удовлетворить потребности всех нуждающихся, другая в мигающую неоновой вывеской кофейню «Старбакс». Вырвавшись из водоворота, бурлящего меж этих двух полюсов, Саманта двинулась в сторону полицейских, охранявших вход в залы судебных заседаний. Когда она случайно оказалась в поле зрения одной из телекамер, десятками ведущих репортаж с места событий, на нее набросилась небольшого роста журналистка и злобно что-то выкрикнула по-японски.

«Последний день», — напомнила себе Саманта, оставляя в кильватере за собой поток совершенно непонятной брани. Каких-то восемь часов и ее жизнь вернется в нормальное русло.

У двери незнакомый полицейский тщательно изучил ее удостоверение личности и подверг процедуре, теперь

Тряпичная кукла

хорошо ей знакомой: запереть в специальном ящичке личные вещи; в ответ на реакцию металлодетектора объяснить, что она физически не может снять обручальное кольцо; подосадовать про себя на пятна пота во время обыска, а затем пройти по безликому коридору и присоединиться к другим одиннадцати присяжным за чашечкой чуть теплого растворимого кофе.

Из-за беспрецедентного внимания к процессу мировых средств массовой информации и инцидента у дома Саманты присяжных было решено поселить под охраной в одном месте, что немедленно вызвало гнев общества, потому как выставляемые отелом счета обходились налогоплательщикам в десятки тысяч фунтов стерлингов. Раньше по утрам они говорили на разные темы, но теперь после двух месяцев слушаний каждый из них в основном жаловался на однообразие вечернего меню в ресторане, на спину, болевшую после проведенной в гостиничной постели ночи, и сетовал на отсутствие жены, мужа, детей или заключительного сезона сериала «Остаться в живых» — кому чего не хватало.

Когда судебный пристав наконец пришел за членами жюри, напряженная тишина, скрываемая невинной болтовней, вырвалась на волю. Старшина присяжных, пожилой человек по имени Стэнли, которого остальные назначили на эту должность только по причине поразительного сходства с Гэндальфом, медленно встал и вышел из комнаты. За ним потянулись и другие.

В Олд Бейли, суде номер один, известном во всем мире, слушались только уголовные дела первостепенной важности. Здесь со скамьи подсудимых отвечали за свои жуткие грехи такие зловещие знаменитости, как Криппен*,

* Хоули Харви Криппен (1862–1910) — американский врач, ставший фигурантом одного из самых громких убийств в криминалистике XX века. Первый преступник, задержанный благодаря радиосвязи.

Сатклифф* и Деннис Нильсен**. Через огромное, забранное матовым стеклом окно над головой помещение заливал искусственный свет, озаряя собой темные деревянные панели и зеленую кожаную обивку.

Заняв привычное место в первом ряду, ближе всех к скамье подсудимых, Саманта вдруг поняла, что белое платье, сшитое ею самой, немного коротковато. Она положила на колени папку с делом, к большому неудовольствию похотливого старика, старшины жюри, который в первый день слушаний чуть не растоптал соседа, желая непременно устроиться рядом с ней.

В отличие от залов судебных заседаний, воспетых в американских фильмах, где элегантно одетому обвиняемому полагается восседать за одним столом с защитниками, в Олд Бейли подсудимый сидел перед грозной аудиторией в полном одиночестве. Невысокие, но толстые стеклянные перегородки, окружавшие его возвышение, еще раз подчеркивали, что человек, оказавшийся внутри, представляет для остальных большую опасность.

Что он виновен — пока не доказана его невиновность.

Прямо напротив скамьи подсудимых, слева от Саманты, сидели судьи. Над креслом в центре зала — единственным, которое за время всего разбирательства оставалось свободным, — на фоне герба королевства висел меч с золоченой рукоятью. Судебные секретари, обвинение и защита располагались в центре; галерка для публики у дальней стены была битком набита экзальтированными зрителями с осоловевшими от недосыпа глазами, которым, чтобы заполучить места и стать свидетелями окончания этого умопомрачительного процесса, пришлось на ночь разбить

* Питер Сатклифф (род. в 1946) — британский серийный убийца, за пять лет лишивший жизни 13 проституток.

** Деннис Нильсен (род. в 1945) — британский серийный убийца, на счету которого 15 жертв.

Тряпичная кукла

лагерь у входа в Олд Бейли. В глубине зала, на забытых Богом местах под галеркой, сидел разномастный мелкий люд, так или иначе причастный к процессу: эксперты, мнение которых адвокатам могло понадобиться, а может и нет; судебные клерки; ну и, конечно, полицейский, арестовавший подозреваемого, — детектив по прозвищу Волк, Вильям Оливер Лейтон-Коукс, восседавший в самом центре всего этого пестрого сборища.

Волк присутствовал в зале суда все сорок шесть дней и провел несметное количество часов, глядя на скамью подсудимых со своего незаметного места у выхода. Крепко сбитый, с обветренным лицом и темно-синими глазами, он выглядел лет на сорок, может, чуть больше. Саманта подумала, что детектива вполне можно было бы назвать привлекательным, если бы он не производил впечатление человека, не спавшего несколько месяцев и несшего на своих плечах тяжкое бремя окружающего мира. Хотя, если по правде, так оно и было.

Киллер-Крематор, как его окрестила пресса, стал самым кровожадным серийным убийцей за всю историю Лондона. Двадцать семь жертв за двадцать семь дней, все проститутки в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Огромный интерес к этому делу, помимо прочего, обуславливался еще и тем, что оно открыло плохо информированным массам глаза на суровую действительность, творящуюся у них прямо под носом, на тех самых улицах, где они живут. Большинство пострадавших были найдены еще тлевшими — он накачивал их транквилизаторами и сжигал живьем, при этом огонь уничтожал практически все мыслимые улики. А потом злодеяния вдруг резко прекратились. В отсутствие подозреваемых полиция терялась в догадках. Все время, пока длилось расследование, на нее обрушивался шквал критики — за бездействие и неспособность пресечь гибель подростков, но когда с момента последнего убийства

прошло восемнадцать дней, детектив Волк заключил преступника под стражу.

Мужчину на скамье подсудимых звали Нагиб Халид. Англичанин пакистанского происхождения и мусульманин-суннит, он работал в Лондоне таксистом. Жил один и в прошлом уже фигурировал в деле о поджоге. Когда в суд поступили результаты анализов ДНК, подтвердившие, что он подвозил трех жертв на заднем сиденье своего автомобиля, и подкрепившие собой убийственные показания детектива Волка, дело показалось всем ясным и понятным. Но потом, на пятый день, стало разваливаться.

Всплыли алиби, опровергающие данные наблюдения, собранные Волком и его командой. Выяснилось, что во время следствия на Халида оказывали давление и запугивали. Противоречивые данные судебно-медицинских экспертиз привели к тому, что обгоревшие образцы ДНК исключили из списка неопровержимых доказательств. В довершение всего руководитель Департамента внутренних расследований столичной полиции, приведя в совершеннейший восторг сторону защиты, разослал письмо, которое, помимо прочего, предложили и вниманию Саманты. В этом послании, написанном анонимным коллегой буквально за пару дней до последнего убийства, выражалась озабоченность душевным состоянием детектива Волка и его методами ведения расследования, а также высказывалось предположение, что он «отчаялся» и «помешался» на данном деле, поэтому начальству предлагалось его немедленно отстранить.

История, и без того одна из самых громких во всем мире, приобрела еще более скандальный характер. Полицию обвинили в том, что она, пытаясь скрыть собственные промахи, использовала Халида, оказавшегося под рукой, в качестве козла отпущения. И руководителя отдела расследования убийств, и его заместителя заставили подать в

отставку, обвинив в вопиющей коррупции и злоупотреблении служебным положением, а таблоиды выплеснули на публику целый вал скандальных историй о впавшем в немилость детективе: из-за мнимых проблем с алкоголем и столь же мнимой склонности к агрессии у него развалился брак. На одном из этапов процесса эlegantная адвокатесса обвиняемого даже предложила поменять Волка и ее клиента местами, за что тут же получила замечание. Сам Нагиб Халид наблюдал за разворачивавшимся вокруг цирковым представлением с глубочайшим изумлением. В глазах его можно было увидеть только одно — проблеск удовлетворения от того, что он из демона превратился в жертву.

Завершающий день судебного разбирательства прошел в полном соответствии с ожиданиями. Обвинение и защита выступили с последним словом, после чего председательствующий обратился к присяжным с краткой речью, подытожив скупые улики, все еще считавшиеся обоснованными и вескими, и призвав принимать во внимание хитросплетения закона. Тогда жюри извинилось перед судом и удалилось для вынесения приговора в небольшую комнатку, расположенную за трибуной для дачи свидетельских показаний и неизменно отделанную все тем же деревом и зеленой кожей. Один час и пятнадцать минут двенадцать присяжных сидели за большим деревянным столом и спорили по поводу вердикта.

Решение о том, как она будет голосовать, Саманта приняла еще несколько недель назад и теперь была немало удивлена, видя, что мнения коллег разделились. Во время вынесения приговора она никогда не опиралась бы на общественное мнение, но при этом была рада, что ее голос не подольет масла в огонь всей этой шумихи, от которой теперь зависели ее магазин, доходы и благосостояние. Вновь и вновь повторялись одни и те же аргументы. Кто-то из присяжных вдруг заиклился на показаниях детектива

Коукса и вышел из себя, когда ему в сотый раз указали, что они носят недопустимый характер и поэтому их нельзя принимать во внимание.

Время от времени Стэнли призывал всех проголосовать, но после этого каждый раз передавал судье записку о том, что жюри никак не может прийти к единому мнению. С увеличением количества проголосовавших все больше членов под давлением большинства давали слабинку, и когда до четырех часов оставалось всего несколько минут, вердикт был вынесен — десять человек проголосовали за, двое против. Стэнли сообщил об этом через пристава, который ушел и через десять минут явился вновь, чтобы проводить жюри обратно в зал судебных заседаний.

Возвращаясь на свое место рядом со скамьей подсудимых, Саманта ощущала каждый обращенный на нее взор. В помещении воцарилась тишина. Когда она шла по проходу, каждый шаг эхом раздавался по залу, и от этого ее охватило беспричинное смущение. К счастью, в следующее мгновение присяжные стали рассаживаться по местам, и на фоне поднятого ими шума ее замешательство показалось банальным и пустым. Женщина тут же успокоилась.

Она видела, что многие, не в силах совладать с нетерпением и дожидаться официального оглашения приговора, пытаются по ее лицу прочесть, что решили присяжные, и это ее позабавило. Напыщенные жрецы Фемиды в мантиях и париках, которые всегда относились снисходительно к ней и другим членам жюри, теперь вдруг полностью оказались в их власти. Саманта подавила улыбку — она чувствовала себя как ребенок, посвященный в тайну, но не собирающийся ее никому раскрывать.

— Подсудимый, соблаговолите встать! — рявкнул в тишине судебный секретарь.

Тряпичная кукла

Нагиб Халид на скамье подсудимых неуверенно поднялся на ноги.

— Старшина присяжных, соблаговолите встать!

В конце того самого ряда, где сидела Саманта, встал Стэнли.

— Вы вынесли единодушный вердикт?

— Нет, — срывающимся, почти неслышным голосом ответил Стэнли.

— Вы вынесли вердикт, за который проголосовало необходимое большинство присяжных?

— Да... мне жаль... но... да. — Стэнли вздрогнул, путаясь в словах.

Секретарь повернулся и взглянул на председательствующего, который кивком дал понять, что принимает вердикт, проголосованный необходимым большинством.

— Прошу огласить приговор присяжных! Подсудимый Нагиб Халид виновен в совершении двадцати семи убийств?

Саманта вдруг затаила дыхание, хотя и заранее знала ответ. Несколько стульев в унисон скрипнули — те, кто на них сидел, потянулись вперед и внимательно прислушались в немом предвкушении.

— Нет, не виновен.

Саманта посмотрела на Халида. Реакция подсудимого ее буквально загнипнотизировала. Он обхватил ладонями лицо и от облегчения задрожал с головы до ног.

В этот момент раздался первый панический вопль.

Детектив Волк перелетел небольшое расстояние, отделявшее его от скамьи подсудимых, перегнулся через стеклянную перегородку, схватил Халида за волосы и рванул на себя. Охранники ничего не успели сделать. Халид тяжело повалился на землю, его сдавленный крик в то же мгновение захлебнулся под диким напором полицейского. Под башмаками Волка хрустнули ребра, он стал